

DOI 10.15393/j9.art.2015.2813

УДК 821.161.1.09“17”-31

Юлия Александровна Ростовцева*Литературный институт им. М. Горького
(Москва, Российская Федерация)
rostoyuliya@yandex.ru*

ОБ ИСТОЧНИКАХ ОФИРСКИХ «КАТЕХИЗМОВ» КНЯЗЯ М. М. ЩЕРБАТОВА

Аннотация. Статья посвящена утопии князя М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» (1784). Произведение рассматривается в малоисследованном аспекте. Объектом изучения является педагогический идеал, представленный в образе офирских училищ. Особое внимание при этом уделяется основе воспитательной системы — «маленьким книжкам», содержащим «катехизмы», нравственный и гражданский, которые преподаются в школах наряду с другими предметами. О «катехизмах» не раз упоминалось в научной литературе, однако специальных работ по данной теме написано не было. Между тем для истории литературы они имеют особый интерес. В них отражены не только фрагменты биографии писателя, его взгляд на современные педагогические теории, но и предложен образ человека и гражданина, истинного Сына Отечества. Предметом сравнительного анализа становятся предполагаемые источники «катехизмов», среди которых сочинения С. Пуффендорфа, монаха-августинца И. Фельбигера, «Наказ» Екатерины II и собственные педагогические тексты М. М. Щербатова. Автор статьи приходит к выводу о том, что щербатовский идеал школьного образования был прочно связан с истинами христианского закона.

Ключевые слова: М. М. Щербатов, литературная утопия, педагогический идеал, естественная религия, катехизис

В 1783 году князь М. М. Щербатов создает политическую утопию «Путешествие в землю Офирскую господина С., шведского дворянина». Как отмечалось неоднократно, Офиря — это аллегорический образ идеального в представлении Щербатова Российского государства [5], [9], [10]. В этом произведении исследователи нередко усматривали завуалированную критику современных писателю порядков [3], [4], [10]. Не случайно, как отмечает А. А. Кизеветтер, по своему жанровому своеобразию «Путешествие...» не является классической утопией, включая элементы пророчества и сатиры

[4, 31]. В тексте присутствует множество современных автору реалий. Так, Д. В. Бугров сделал вывод, что Офир — это «улучшенная» Россия, помещенная Щербатовым по всем правилам классической утопической литературы на крайнем юге планеты (еще не исследованном, а значит, абсолютно утопическом «месте, которого нет», в полуабстрактном «нигде») [2]. Художественная копия Российской империи, вместе с тем, гораздо более очевидна: географически автор расположил Офирию в том же месте, какое в южном положении соответствовало России, на что указывает А. Н. Пыпин в статье 1896 года «Полузабытый писатель XVIII века» [6].

Итак, утопия Щербатова — это «облагороженная» действительность Екатерининской эпохи, основа фантастики которой — реальные условия [8]. Последнее справедливо и в отношении офирской системы образования. Автор описывает Перегабскую Академию наук, городские и поселянские школы, учебные дисциплины и, между прочим, предлагает вниманию читателя содержание «маленьких книжек»: «катехизмов», нравоучительного и гражданского, которые изучаются в училищах наряду с другими предметами.

Некоторые педагогические идеи были изложены автором ранее в сочинениях, посвященных воспитанию юношества. Как отмечал в своем историко-литературном очерке (1881 г.) А. А. Дубицкий, писатель «не опускалъ безъ вниманія ни одного выдающагося событія въ современной ему государственной и общественной жизни русскаго народа»¹. Деятельный участник Комиссии о коммерции в 1772 году, он создает Проект для купеческих школ, в основе педагогической программы которого лежало совмещение духовно-нравственного и экономического образования, столь необходимого для обучения детей этого сословия. «Всякому христіанину потребно имѣть знаніе закона Божія, и о должностяхъ *на правилахъ вѣры основанныхъ* (курсив мой. — Ю. Р.), и тако сіе необходимо въ хорошее воспитаніе входитъ; а понеже и самая торговля основывается на страхѣ Божіи, и на происходящей о(т)ъ того доброй вѣры»².

Вопрос обучения юношей догматам веры имел для Щербатова особое значение. В 1785 году он пишет работу под заглавием «О способахъ преподаванія разныя науки». Текст

любопытен не только для историка литературы, но и для исследователя биографии и творчества писателя. Автор упоминает о катехизисе православной веры, сочиненном им лично для своих детей. По мысли Щербатова, тексты для юношества должны представлять собой истины Божественного учения, адаптированные для юного читателя. При этом, согласно распространенной в XVIII веке практике благочестия, христианская мораль должна была помочь гражданину образовать свои мысли, волю, найти место в жизни³. Подобные идеи были довольно распространены в екатерининскую эпоху, но появились они не тогда, и, конечно, публицистические и литературные произведения Щербатова не являются первыми опытами в данном направлении.

Дух западной культуры, привнесенный секулярными реформами Петра I, на русской почве обратился в своеобразное единство основ церковного благочестия и правил светского поведения. Ярчайший пример тому — «Пособие для обучения и воспитания детей дворян», изданное в 1717 году и более известное под заглавием «Юности честное зеркало». Основной целью «Пособия» было воспитание истинного человека и гражданина. В этом же духе написаны «катехизмы», нравственный и гражданский, для офирского юношества.

О наставлениях для офирского юношества нередко упоминалось в работах, посвященных утопии князя Щербатова, однако отдельных исследований по данной теме до сих пор не было. Любопытный взгляд на «книжки» представлен в статье Н. Д. Чечулина «Русский социальный роман XVIII века» (1900): «Эти моральные правила, и эта вѣра въ то, что можно сдѣлать людей лучшими и счастливыми какимъ нибудь небольшимъ по объему — и, прибавимъ отъ себя, ничтожнымъ по содержанию — сборникомъ прописныхъ истинъ азбучной морали — все это было общераспространеннымъ въ XVII и особенно въ XVIII вѣкъ» [10, 22]. Однако комментарии ученого имеют односторонний характер: оставлена без внимания та часть наставлений, которая относится к гражданским законам. Аналогичную характеристику можно дать и работе Э. Вагеманса «К истории русской

политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» [3]. В статье А. А. Кизеветтера «катехизмы», напротив, охарактеризованы лишь со стороны гражданского права [4, 49]. Любопытное наблюдение на этот счет высказано Т. В. Артемьевой в монографии, посвященной философии и утопии эпохи Просвещения. Указывая на то, какое место занимало освоение этих правил в образовательной системе Офирии, автор уподобляет его изучению Евангелия в Российской империи [1]. В исследовании французского слависта Андре Монье «Русская утопия в век Екатерины» «катехизмы» представлены как деистические, вольтерьяновские, не соответствующие божественному Откровению и церковному Преданию [13].

Утопия Щербатова действительно актуализирует христианский идеал в его искаженном, неканоническом виде. Главный герой, от лица которого ведется повествование, говорит о вере с офирским священнослужителем-*санкреем* (то есть блюстителем порядка). Исповедуя православное вероучение, он рассказывает «о сотвореніи міра, о паденіи челоувѣка, о приуготовленіи пророчествами и знаками воплощенія Господа Иисуса Христа». Санкрей, между тем, остается безучастен:

...мы также единого Бога какъ и вы почитаемъ, признаемъ Его единого всемогущимъ строителемъ и правителемъ всего видимаго и невидимаго⁴.

В то же время утопическая страна являет собой некий идеал, который в культурном и политическом отношении превосходит Российскую империю и европейские страны. Таким образом, религия офирских граждан предстает в более выгодном свете. В отличие от православия, во многом основанного на «осуществлении ожидаемого и уверенности в невидимом» (Евр. 11:1), вера в Единого Бога предельно расщудочна. В ней нет ничего сверхъестественного, все качества Божества офирец логическим путем выводит из созерцания окружающего мира:

Мы люди, а потому суть твари одаренныя разсудкомъ, и слѣдственно взираемъ на небеса, устройство разныхъ свѣтилъ, ихъ разные пути; взирая на землю, плодородіе ея, испытаніе, что никакая травка безъ сѣмени не родится;

...а потому мы и заключили со справедливою, что есть невидимое нами Всевышнее Естество, которое все создало, все устрояетъ и все содержитъ⁵.

Следует отметить, что подобные постулаты не были для конца XVIII столетия каким-то литературным экспромтом. Несмотря на утопическую форму, в них очевидно влияние педагогических теорий, сутью которых, по слову С. В. Рощенского, «было стремление порвать с традицией религиозного образования, в его исторических вероисповедных формах, и поставить воспитание на почву идей деизма и естественной морали» [7, 343]. Примечательно, что по плану, составленному для детских воспитательных академий в 70-х годах XVIII века, «первая наука, заключающая в себе великую воспитательную силу, есть закон Божий, но не “богословие Откровения”, а богословие “естественное”» (курсив мой. — Ю. Р.) [7, 343]. Нравственные и гражданские законы офицеров также выводятся из рационалистического убеждения в существовании Высшего Естества:

...Взирая на разныя приключенія жизни челоѳческой и бывъ убѣждены въ правосудіи Божіемъ, считаемъ мы быть души челоѳческія безсмертны, считаемъ воздаяніе за добрыя дѣла и наказаніе за злыя⁶.

«Законнический» характер имеет не только религиозная философия, но и маленькие книжки, содержащие нравственный и гражданский «катехизмы», преподаваемые офицерскому юношеству в школах. В «книжках» Щербатова лексема «Бог» встречается нечасто и семиотически тождественна слову «Естество» или «Создатель». В этих и других деталях заметно влияние идей одного из первых представителей естественно-правовой школы — Самуэля Пуффендорфа, изложенных им в сочинении «О должности человека и гражданина по закону естественному», впервые опубликованном на русском языке в 1726 году. Ср.:

С. Пуффендорф

«О должности человека и гражданина»

...яко БОГЪ ЕСТЬ ВСЕЛЕННЫЯ СЕЯ СОЗДАТЕЛЬ. Егда бо разсужденіемъ самымъ вѣдомо есть, что сія вся, яже суть въ мірѣ семъ, отъ себя самыхъ начала своего не имуть, то подобаетъ да бы оная крайнѣйшую нѣкую вину имѣли: которая самая тая есть, юже БОГОМЪ именуемъ⁷.

М. М. Щербатов

«Катехизмы, нравственный и гражданский»

1. Ничто изъ ничего быть не можетъ. Подумай, и ты увидишь самъ сію истину, что каждая вещь имѣетъ свою причину и начало; слѣдственно и составленіе вселенной, и самое твое естествованіе должно имѣть свою причину и начало; и сіе есть Богъ⁸.

Свои «Размышления о законодательстве вообще» писатель также изложил согласно идеям естественного права, отмечая, что «законы должны быть сходны съ Божественными и естественными узаконеніями»⁹. К упомянутой работе Пуффендорфа, очевидно, восходит и правовая трихотомия Щербатова: божественный — естественный (положительный) — человеческий закон¹⁰.

Книга Пуффендорфа послужила источником для сочинения другого немецкого автора — монаха-августинца Иоганна Фельбигера, труд которого имеет схожее название: «О должностях человека и гражданина». Учебник был переведен с немецкого на русский и опубликован в то самое время, в которое было написано утопическое произведение Щербатова. Сложно сказать, знаком ли был автор с этим педагогическим трудом. В статье А. Н. Пыпина «Полузабытый писатель XVIII века» есть любопытное замечание, которое, впрочем, нельзя интерпретировать однозначно: «Около того же времени (когда написано “Путешествіе въ Офирскую землю”, пока еще не опредѣлено) для “народныхъ училищъ”, которыя основывались въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, издана была книжка “О должностяхъ челоуѣка и гражданина”, составленная въ подобномъ направленіи (за исключеніемъ деистической религіи)» [6, 297]. Указание на то, какой популярностью пользовалась эта книга в названный период, есть и в работе американского историка

Джери Маркера, посвященной общему школьному образованию в России 1782–1802 годов. [12].

Порожденные культурой гражданской нравственности и морали, эти тексты имеют идейное и композиционное сходство. Обе работы начинаются с рассуждений об обязанностях людей перед Создателем. В тексте «учебника» этому вопросу уделено меньше внимания, чем в «Путешествии...». У немецкого педагога долг христианина по отношению к Творцу рассматривается сквозь призму гражданской морали — Щербатов же нередко заостряет внимание на духовной стороне вопроса. Во многих случаях мысль российского писателя отражает цель и назначение нравственного катехизиса точнее, чем интерпретация западного педагога. Если глава «О должностях к самому себе» из фельбигеровской книги включает в себя такие подглавы, которые касаются домоводства и поведения в быту: «О порядке», «О трудолюбии», «О довольствии», «О хозяйстве», «О бережливости», — то в утопии Щербатова фрагмент под тем же названием включает в себя разделы о кротости, воздержании и житейской мудрости. В другом разделе писатель еще более отходит от западных естественно-правовых теорий в сторону ортодоксального вероучения. Фрагмент, озаглавленный «Должности человека относительно к вышнему Естеству и самому себе», заканчивается положением, которое восходит, вероятно, к Поучению аввы Дорофея «О страхе Божиим»:

Прилагай свое попеченіе каждый вечеръ размышлять о содѣянномъ тобою; суди себя яко строгій судія, и благодари Бога, что содѣялъ хорошее, остерегайся же и проси его, чтобы далъ тебѣ силу воздержаться, что содѣялъ худое¹¹.

«Естественная религия» утопических жителей, несмотря на незнание ими христианства, включает в себя основы православного святоотеческого учения. Центральной идеей «катехизмов» является любовь к своему Отечеству, то же можно сказать и о педагогическом трактате Иоганна Фельбигера. Как отмечают ученые, согласно этой методике государство фактически отождествлялось с правительством:

Когда любовь къ отечеству въ томъ состоитъ, чтобъ мы Государю, начальству и законамъ общества, въ коемъ мы живемъ, усердно покорялись; то смотрѣть намъ должно, что любовь къ отечеству въ сердцахъ нашихъ производитъ¹².

По словам Д. Л. Блэка, «излагая юным ученикам мысль о том, что воспитание патриотических чувств является естественной частью образовательного процесса, автор предлагал новый фундаментальный образец жизненного порядка» [11, 83–84]. Именно такое общество и хотела построить Екатерина II, которая, по замечанию М. Раева, «может быть причислена к великим правителям-камералистам» [14, 1236].

«Катехизмы» писателя, в отличие от методики австрийского педагога, провозглашают любовь к Отечеству, основанную на соблюдении заведенных в государстве установлений: «...кто любитъ свое отечество, тотъ любитъ его и законъ»¹³. Насколько можно заметить, закон для писателя имел значение абсолютное. В политико-публицистическом трактате «Размышления о законодательстве вообще» (1789) автор отмечал:

Законы должны быть сходны съ Божественными и естественными узаконеніями. Вмѣщенное въ священное писаніе ученіе подъ именемъ премудрости Иисуса сына Сирахова намъ гласитъ: “Начало премудрости — страхъ Господень”. Не должны мы отъ сихъ священныхъ и внутреннимъ чувствованіемъ сердець нашихъ утвержденныхъ словъ въ важномъ дѣлѣ законодательства удаляться¹⁴.

«Гражданские катехизмы» для офирского юношества отличаются практическим характером. Из любви к законам проистекает любовь к порядку. Последнее, в свою очередь, требует иерархии: начальники — подчиненные. Заявленная структура не является провиденциальной: власть высших над нижними объясняется не Божественным промыслом, но особыми привилегиями первых: «...сіи избраны яко достойнѣйшіе и болѣ свѣдѣнія имѣющіе, а потому и симъ уже преимуществуютъ надъ тобою»¹⁵. Вместе с тем, нравственные наставления Щербатова включают моменты, проникнутые духом православного вероучения. Пример тому — статья «О способах преподавания разныя науки» (1785),

в которой писатель предложил свою педагогическую систему воспитания юношества. Ядром методики являются «катехизмы» преосвященного Платона, архиепископа московского и калужского, и переведенный с французского краткий исторический катехизис господина Флери. Кроме прочего, автор упоминает о катехизисе, сочиненном им лично для собственных детей, в котором исторически выводит «строение Божіе отъ начала созданія свѣта, о искупленіи рода человѣческаго» и догматы веры изъясняет¹⁶.

В петровскую эпоху «секуляризация морали», ставшая естественным следствием отмежевания институтов светской власти от клерикального мира, повлекла за собой смену жизненных приоритетов. В период расцвета просвещенного абсолютизма политический идеал заметно изменился: Екатерине были близки идеи камералистов о регулярном государстве, охватывающем все сферы жизни человека, включая религию. По словам М. Раева, «основной обязанностью правителя-камералиста являлось попечение о духовной жизни своих подданных и забота о спасении их души» [14, 1224]. Воспитание «добродетельного, истинного гражданина» было целью имперской политики, к достижению которой самодержица стремилась через практику законодательного регулирования жизни граждан и повышение качества школьного образования. Мысль «о катехизисе нравственности» как особом предмете преподавания в народных школах была доминирующей. Необходимость совмещения этического и гражданского образования отмечалась уже в знаменитом «Наказе»¹⁷. Те же идеи были заложены в Уставе Сухопутного Кадетского Шляхетного корпуса¹⁸. После издания в 1783 году книги Иоганна Фельбигера воспитание истинного Сына Отечества становится провозглашенным идеалом государственной педагогики.

Таким образом, к моменту создания романа Щербатова воспитанники российских училищ имели возможность изучать обязанности гражданина наряду с правилами нравственности. Естественно, что такая практика не могла быть повсеместной, но она существовала. В этом контексте, например, замечание Кизеветтера о школах Офирии как

о скрытом указании на правовую безграмотность российских граждан отражает действительность не совсем верно. Краткий анализ «катехизмов» Щербатова в свете педагогических сочинений XVIII века позволяет прийти к выводу, что в состав офирских «книжек» для юношества включались не только западные, но и оригинальные, отечественные тексты, среди которых немалое число принадлежит самому писателю. Это и проект об училище для купечества, и катехизис, составленный Щербатовым для его детей.

Для культуры второй половины XVIII столетия «книжки» не были художественным преувеличением. Сходным значением в начале века отличалось «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717). Наряду с цифирью и букварем, оно включало в себя сентенции из Священного Писания, правила поведения в обществе. На первый взгляд, нравственный и гражданский «катехизмы» офирян имели строго утилитарный характер, были направлены лишь на стяжание земных благ. Однако при более пристальном анализе очевидна их связь с истинами христианского закона, который поставляется залогом благосостояния, порядка и мира.

Примечания

¹ Дубицкий А. А. Князь Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ. Историко-Литературный Очеркъ // ОПИ ГИМ. Ф. 268. Оп. 1. Д. 7. С. 123.

² Проектъ, сочиненный и [писанный] княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Щербатовымъ // РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 466. Л. 10 об.

³ См.: Щербатовъ М. М. О способахъ преподаванія разныя науки // Сочиненія князя М. М. Щербатова. Статьи историко-политическія и философскія; подъ ред. И. П. Хрущева и А. Г. Воронова. СПб.: Типографія М. Акинфіева и И. Леонтьева, 1898. Т. II. Стлб. 500.

⁴ Щербатовъ М. М. Путешествіе въ землю Офирскую г-на С... Швецакаго дворянина // Политическія сочиненія; подъ ред. И. П. Хрущева. СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896. Т. I. Стлб. 838.

⁵ Там же. Стлб. 802.

⁶ Там же. Стлб. 838.

⁷ Пуфендорфъ С. О должности челоувѣка и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 45.

⁸ Щербатовъ М. М. Путешествіе въ землю Офирскую... Стлб. 932.

⁹ Щербатовъ М. М. Размышленія о законодательствѣ вообще // Политическія сочиненія; подъ ред. И. П. Хрущева. СПб.: Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1896. Т. I. Стлб. 361.

¹⁰ «Законъ по елику надлежитъ до законодавца, раздѣляется на БОЖИИ И ЧЕЛОВѢЧЕСКИИ. Оныи отъ БОГА, сеи отъ человѣка дается... Но аще законъ разсудимъ, яко потребное и нужное приличіе къ человѣкомъ имѣеть, или не имѣеть: дѣлится на ЕСТЕСТВЕННЫЙ и ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, то есть установленный» (Пуфендорфъ С. О должности человѣка и гражданина... С. 54).

¹¹ Щербатовъ М. М. Путешествіе въ землю Офирскую... Стлб. 935.

¹² Фельбигеръ И. О должностяхъ человѣка и гражданина, книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ городскихъ училищахъ Россійской имперіи, изданная по высочайшему повелѣнію царствующей императрицы Екатерины Вторыя. СПб., 1783. С. 118.

¹³ Щербатовъ М. М. Путешествіе въ землю Офирскую... Стлб. 940.

¹⁴ Щербатовъ М. М. Размышленія о законодательствѣ вообще... Стлб. 372.

¹⁵ Щербатовъ М. М. Путешествіе въ землю Офирскую... Стлб. 941.

¹⁶ Щербатовъ М. М. О способахъ преподаванія разныя науки... Стлб. 500.

¹⁷ Наказъ императрицы Екатерины II, данный Коммисіи о сочиненіи проэкта новаго Уложенія; подъ ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 42.

¹⁸ [Бецкой И. И.] Уставъ Императорскаго Шляхетнаго Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса учрежденнаго въ Санктпетербургѣ для воспитанія и обученія благороднаго російскаго юношества. СПб., 1766. С. 16.

Список литературы

1. Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. — СПб.: Алетейя, 2005. — 496 с.
2. Бугров Д. В. «Надежда» в Антарктиде: загадки офирской утопии князя М. М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2006. — № 47. — С. 275–291.
3. Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. — 1989. — № 4. — С. 107–119.

4. Кизеветтер А. А. Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А. А. Исторические очерки. — М., 1912. — С. 29–56.
5. Краснов А. Образ будущего Петербурга, Царского Села и Гатчины в романе М. М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую» // Нева. — 2006. — № 4. — С. 271–275.
6. Пыпинъ А. Н. Полузабытый писатель XVIII вѣка // Вѣстникъ Европы. — 1896. — № 11. — С. 264–305.
7. Рождественский С. В. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX веках. — СПб., 1912. — Т. I. — 680 с.
8. Святловский В. В. Русский утопический роман. — Петроград: Государственное издательство, 1922. — 53 с.
9. Харитонов Е. В. Русское поле утопий (Россия в зеркале утопий) // Фантастика 2002. — Вып. 2. — М., 2002. — С. 417–477.
10. Чечулинъ Н. Д. Русскій соціальный романъ XVIII вѣка: («Путешествіе въ землю Офирскую г. С. Швецакаго дворянина» — сочиненіе князя М. М. Щербатова). — СПб.: Типографія «В. С. Балашевъ и К^о», 1900. — 53 с.
11. Black J. L. Citizens for the Fatherland: Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia (East European Monographs, LIII). — Boulder, Colo.: East European Quarterly, 1979. — 273 p.
12. Marker G. Who Rules the Word? Public School Education and the Fate of Universality in Russia, 1782–1803. // Russian History. — 1993. — Vol. 20. — Pp. 15–34.
13. Monnier A. Une utopie russe au siècle de Catherine // Cahiers du monde russe et soviétique. — 1982. — Vol. 23. — No. 23 (2). — Pp. 187–195.
14. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: an Attempt at a Comparative Approach // The American Historical Review. Dec. 1975. — Vol. 80. — No. 5. — Pp. 1221–1243.

Yulia A. Rostovtseva

*The Maxim Gorky Literature Institute
(Moscow, Russian Federation)
rostoyuliya@yandex.ru*

**ON THE SOURCES
OF OPHIRIAN “CATECHISMS” BY PRINCE
M. M. SHCHERBATOV**

Abstract. The article studies the utopia of Prince M. M. Shcherbatov “Journey to the land of Ophir” (1784) in a new literary-historical way. The author

explores the pedagogical ideal, represented by Ophir schools. In the centre of the study there are the “small books” containing moral and civil “catechisms”, which are taught in school along with other subjects and illustrate the essence of the Ophirian educational system. There are no special works on “catechisms” despite the fact that they often have been mentioned in academic literature. “Catechisms” are of a particular interest to the history of literature. They reflect not only the fragments of the writer’s biography, his view of modern pedagogical theories, but also describe the image of a man and citizen, the true “Son of the Motherland”. The author analyzes literary sources of “catechisms”, among which there are the works of S. Pufendorf, an Augustinian monk I. Felbiger, “Instruction” of Catherine the Great and writer’s own pedagogical texts. As a result, the author concludes that for Shcherbatov the ideal of school education was strongly connected with the truth of the Christian law.

Keywords: M. M. Shcherbatov, literary utopia, pedagogical ideal, Catherine the Great, catechism

References

1. Artem’eva T. V. *Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu. Filosofiya istorii i utopiya v Rossii epokhi Prosveshcheniya* [From the glorious past to the bright future. Philosophy of history and utopia in Russia of the Enlightenment]. Saint-Petersburg, Aleteyya Publ., 2005. 496 p.
2. Bugrov D. V. «Nadezhda» v Antarktide: zagadki ofirskoy utopii knyazya M. M. Shcherbatova [“Hope” in Antarctica: mysteries of the Ophir utopia by Prince M. M. Shcherbatov]. *Izvestiya Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of the Ural State University. Human Studies], 2006, no. 47, pp. 275–291.
3. Vagemans E. K istorii russkoy politicheskoy mysli: M. M. Shcherbatov i ego «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu» [The history of Russian political thought: M. M. Shcherbatov and his “Journey into the land of Ophir”]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1989, no. 4, pp. 107–119.
4. Kizevetter A. A. Russkaya utopiya XVIII stoletiya [Russian utopia of the 18th century]. Kizevetter A. A. *Istoricheskie ocherki* [Historical essays]. Moscow, 1912, pp. 29–56.
5. Krasnov A. Obraz budushchego Peterburga, Tsarskogo Sela i Gatchiny v romane M. M. Shcherbatova «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu» [The image of future St. Petersburg, Tsarskoe Selo and Gatchina in the novel of M. M. Shcherbatov “Journey into the land of Ophir”]. *Neva* [Neva]. Saint-Petersburg, 2006, no. 4, pp. 271–275.
6. Pypin A. N. Poluzabytyy pisatel’ XVIII veka [A half-remembered writer of the 18th century]. *Vestnik Evropy* [European Bulletin], Saint-Petersburg, 1896, no. 11, pp. 264–305.

7. Rozhdestvenskiy S. V. *Ocherki po istorii sistem narodnogo prosveshcheniya v Rossii v XVIII–XIX vekakh* [Essays on the history of systems of public education in Russia of the 18th–19th centuries]. Saint-Petersburg, 1912, vol. 1. 680 p.
8. Svyatlovskiy V. V. *Russkiy utopicheskiy roman* [Russian utopian novel]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1922. 53 p.
9. Kharitonov E. V. Russkoe pole utopiy (Rossiya v zerkale utopiy) [Russian field of utopias (Russia in the mirror of utopias)]. *Fantastika-2002* [Science fiction-2002]. Moscow, 2002, issue 2, pp. 417–477.
10. Chechulin N. D. *Russkiy sotsial'nyy roman XVIII veka: («Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu g. S. shvetskogo dvoryanina» sochinenie knyazya M. M. Shcherbatova)* [Russian social novel of the 18th century (“A Journey made by swedish nobleman S. to the land of Ophir”, the work of Prince M. M. Shcherbatov)]. Saint-Petersburg, Printing house V. S. Balashev and K^o, 1900. 53 p.
11. Black J. L. *Citizens for the Fatherland: Education, Educators, and Pedagogical Ideals in Eighteenth Century Russia (East European Monographs, LIII)*. Boulder, Colo.: East European Quarterly, 1979. 273 p.
12. Marker G. Who Rules the Word? Public School Education and the Fate of Universality in Russia, 1782–1803. *Russian History*. 1993, vol. 20, pp. 15–34.
13. Monnier A. Une utopie russe au siècle de Catherine. *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1982, vol. 23, no. 23 (2), pp. 187–195.
14. Raeff M. The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach. *The American Historical Review*. 1975, Dec., vol. 80, no. 5, pp. 1221–1243.

Дата поступления в редакцию: 01.05.2015